

Вечером 27-го августа я и Хаджикано пошли на летний фестиваль Минагисы. Она надела юкату, которую надевала только три года назад, а я – дешёвый джинбэй (1), купленный поблизости. Мы спускались по тускло освещённым просёлочным дорогам, шлёпанье наших сандалий сливалось с пением цикад. На контрасте с синей юкатой кожа Хаджикано казалась блее обычного. Чем ближе мы подходили к фестивалю, тем громче слышали гул тайко, сотрясающий землю, звук флейт и сё(2), направляющие голоса из мегафонов и шум толпы. Рядом с местной начальной школой, в месте, предназначенном для стоянки автомобилей, выстроилась длинная череда машин, а прямо за ней мы разглядели главную площадь. И только мы ступили на неё, на небе расцвёл маленький фейерверк, ознаменовавший начало фестиваля. Все вокруг одновременно замерли и подняли головы, уставившись на след из белого дыма. И, мгновение спустя, всё вокруг задрожало от аплодисментов. В центре площади стояли леса, а от центрального столба во все стороны расползались ленты с фонариками. Вдоль длинных сторон площади теснились рядом друг с другом ларьки, одна из коротких выступала в качестве входа, а у противоположной ей возвышалась огромная сцена. Несколько десятков или сотен людей уже уселись, и главный ведущий фестиваля поднялся на сцену и поздоровался со всеми. Я открыл программку, полученную на входе, и пробежался по сегодняшним мероприятиям. Как и ожидалось, чтение "Русалки Агохамы" и "Русалочья песнь" остались. Скорее всего, они нашли замену. Это совершенно нормально, полагаю. В уголке программки была фотография Мисс Минагисы этого года. Эта девушка определённо хороша, но выглядит слишком оживлённой для роли русалки – конечно, может, я так думал потому, что знал, что эта роль принадлежала Чигусе. Мы купили в ларьках усуяки (3) и якисобу и пошли к сцене. Там мы увидели детское представление иайдо (4), духовой оркестр от учеников средней школы, народные танцы от волонтеров, разные трюки. Час прошёл, не успели мы и глазом моргнуть. Когда началась лотерея, мы встали с мест, протиснулись сквозь толпу, сели на кадку у парковки и стали наблюдать за суматохой на фестивале издалека.

Когда уже начиналось чтение от Мисс Минагисы, я ощутил какой-то холод на тыльной стороне ладоней. Я решил, что это лишь моё воображение, но, увидев, что Хаджикано смотрит на небо, понял, что не один это чувствую. Минутой позже пошёл дождь. Не сильный, но достаточный, чтобы вымокнуть, если не обращать на него внимания. Все укрылись под тентами или в доме культуры или сбежали на парковку – люди враз бросились врассыпную с площади. Тотчас же голос из мегафона объявил, что дальнейшие выступления на сцене отменяются.

Мы с Хаджикано укрылись от дождя под навесом у дома культуры. Огни ларьков и фонариков размывались под каплями, и площадь окрасилась в тёмно-красный. Девушки, бегущие, прикрывая чем-нибудь головы, жалкого вида расхаживающие под раскрытыми зонтами старики, носящиеся вокруг дети, не опасющиеся дождя, продавцы, поспешно сворачивающие ларьки – пока я рассеянно наблюдал за всем этим, внезапно моих ушей достиг голос. Русалочья песнь. Она раздавалась не со сцены, я совсем рядом со мной. Я посмотрел Хаджикано в глаза. Она робко улыбнулась и перестала петь. «Дождь не собирается переставать», – произнесла она, чтобы скрыть своё смущение. «Всё нормально, продолжай», – сказал я ей. Она кивнула и снова запела. Воздух, наполненный дождём, впитывал в себя её голос. В третий раз я слушал, как она поёт Русалочью песнь. Второй раз был месяц назад, на крыше гостиницы. Первый – за шесть лет до того, в заброшенном храме на горе.

□

Это было ещё тогда, когда я называл Хаджикано "старостой". С одной стороны, лето 1988-го года было моим худшим летом, с другой – самым лучшим. Как я уже упоминал ранее, тем летом у меня обнаружилась атаксия, и меня знобило так, что приходилось закутываться в пуховое одеяло в июльский полдень. Озноб с каждым днём только усиливался, в итоге смешавшись с моей повседневной жизнью. Меня привели в университетскую больницу, путь до

которой занимал часа три даже на автобусе и электричке, обследовали и сделали вывод, что это результат стресса (что было очевидно). Врач сказал, что мне придётся периодически приходить в больницу, и восстанавливаться я буду долго. Поэтому мои летние каникулы начались раньше обычного. Это лето не было похоже ни на одно другое на моей памяти. Между тем, что я видел и чувствовал, существовал огромный разрыв, и всё казалось каким-то не особо настоящим. Пускай я имел много свободного времени, мне не хватало силы воли, чтобы выйти на улицу и поиграть – более того, я даже на чтении не мог сосредоточиться. Поэтому, большую часть времени я проводил, смотря одну и ту же видеокассету на повторе. Я забыл, о чём она была. Помню только, что там был какой-то старый иностранный фильм.

Спустя ровно неделю с того момента, как я перестал ходить в школу, смотря, как обычно, телевизор у себя в комнате, я услышал стук в дверь. Он был не сильный и не слабый, медленный и мелодичный в своём продолжении. Я никогда прежде не слышал такого вежливого стука в дверь. И был уверен, что это точно стучится не мама. «Кто это?» – спросил я. Дверь медленно открылась и показалась девочка в миленьком сарафанчике. Она беззвучно притворила дверь, повернулась ко мне и склонила голову. «Староста? – осел я, забыв об ознобе. – Зачем ты пришла?» «Проведать, – улыбнулась мне Хаджикано, положила свой рюкзак и села на мой футон. – И принести раздатки, которые ты не получил». Я поспешно окинул взглядом состояние своей комнаты. Поскольку друзья ко мне не приходили месяцами, привычка убираться у меня не выработалась, и вокруг царил беспорядок. Если бы я только мог знать, что она придёт, то начистил бы всё до блеска, посетовал я. А потом я посмотрел на себя и помрачнел того сильнее. Хаджикано была одета так, словно могла отправиться прямо отсюда сразу на выпускной, а я в своей неказистой куртке поверх пижамы выглядел жалко. Я нырнул обратно в одеяла, чтобы спрятаться от её глаз. «Тебя учитель попросил?» «Нет, я сама вызвалась. Потому что мне было интересно, как ты тут, Ёсуке». Она вытащила из рюкзака чистенькую папку, аккуратно вынула из неё сложенные листы ВЗ (5), проверила их содержание и положила на мой стол. Потом снова уселась рядышком и посмотрела на меня так, словно сказала: «Ну что ж». А теперь начнутся вопросы, подумал я. Почему ты не ходишь в школу? Почему ты сидишь летом в пуховом одеяле? Что это за болезнь? Почему ты её подхватил? Но, вопреки моим ожиданиям, Хаджикано ни о чём не спросила. Она вынула тетрадь, на которой были написаны её имя и класс, открыла её так, чтобы я мог видеть, и пробежалась кратко по содержанию уроков этой недели. Я задавался вопросом, что всё это значит, но прилежно слушал её. В считанные минуты меня поглотило то, о чём она рассказывала. Новые знания вливались в меня из уст живого человека. Именно в этом я больше всего нуждался, коротая свои дни в комнате. Закончив, Хаджикано убрала тетрадь в рюкзак, сказала: «Я зайду ещё», – и ушла. И только она это сделала, как в комнату без стука зашла моя мама. «Ну разве не мило, что она пришла? Ты должен лелеять таких друзей», – довольно сказала она. «Она не друг, – вздохнул я. – Она староста класса и мила со всеми». Я сказал это не для того, чтобы скрыть неловкость, как обычно сделал бы мальчик моего возраста. Отношения между мной и Хаджикано были не так просты, чтобы можно было назвать нас "друзьями". В четвёртом классе мы сидели ближе и потому больше разговаривали, но на этом всё – в пределах кабинета, даже сидя на новых местах, мы не так много говорили. Я был искренне рад тому, что Хаджикано пришла проведать меня во время болезни, и глубоко благодарен за то, что она пересказала мне уроки, которые я пропустил, но мысль о том, что она, скорее всего, делала это, исходя не из нежных чувств ко мне, огорчала меня. Потому что она действительно "староста", которая "должна быть милой" с "бедным одноклассником". Она наверняка расценивала меня как хилыка, которого нужно пожалеть.

На следующий день и после Хаджикано стучалась примерно в одинаковое время. Она основательно пересказывала мне материал. Я полагал, что такие её поступки стоит расценивать как обычное исполнение обязанностей старосты. Но поскольку она часто навещала меня в комнате и помогала, чем могла, определённая часть меня уже была очарована. И если бы не моя вера в то, что её доброта исходит из жалости, думаю, меня бы

унесло в считанные дни. Тогда я уже осознавал, что моя любовь немного нетипична для четвероклашки. И произойди всё это на месяц или две раньше, я бы захлёбывался в этом чувстве, даже не понимая, что это такое. Но, осознав уродство своей родинки, я стал много рыться в себе. В свободное время я мысленно пробегался по всему, что до этого лишь принимал, и изучал, называл своими именами и возвращал на место. Любовь я обнаружил в себе в процессе подобного самокопания. Каждый раз, когда Хаджикано заканчивала с уроками и уходила, я чувствовал себя ужасно несчастным. Основная проблема была в том, что, как она и ожидала, её присутствие меня утешало. Пусть она и была мила ко мне лишь из жалости, моё сердце уже трепетало от её улыбки и малейших действий, а расстраиваться сильнее я уже не мог. Желая, чтобы она думала, что я схватываю на лету, я тайно готовился по тетрадке и в предвкушении убирался в комнате, пока шли занятия в школе – и как же мне было неловко за это! Я решил быть с Хаджикано как можно грубее, чтобы этому противостоять. Чтобы не почувствовать себя одиноко, когда она перестанет приходить.

Прошу, не пробуждай во мне странные мечты, мысленно просил я. Такого всё равно не будет, так не обольщай меня зазря. Перестань играть людьми, притворяясь ответственной. Но Хаджикано не знала об этих мыслях, поэтому невинно брала меня за руку и улыбалась, говоря: «Ёсуке, у тебя такие красивые и холодные руки», – ложилась рядом со мной, чтобы объяснить поподробней схемы в тетради. И мой озноб неуклонно усиливался. 13-ое июля было посвящено уборке всей школьной территории. Весь день я слышал крики детей снаружи. Тогда не должно было быть никаких уроков, поэтому я решил, что Хаджикано не придёт со мной заниматься. Но в 4 часа дня, когда я уже начал волноваться, зазвонил дверной звонок и в дверь постучали. На этот раз на Хаджикано была перешитая футболка и нежно-зелёная юбочка. На уборку все приходили в спортивной форме, так что она, может, зашла домой и переодела грязную одежду, предположил я. «Что такое? – спросил я. – Сегодня же не было никаких уроков, разве нет?» «Не было. Но я здесь», – игриво хмыкнула Хаджикано. «Зачем?»

«Просто в гости». Хаджикано, как обычно, села у моей постели и улыбнулась мне прямо в лицо, ничего особенного не делая. Я не смог этого вынести и перевернулся на другой бок.

«Тебе же не нужно приходить в подобный день». «Наверное, это вошло в привычку. И я переживала за тебя, Ёсуке». Я верю, что был очень рад услышать эти слова. Но наказал себя за это ликование, выпалив нечто колкое. Я повернулся и сказал Хаджикано:

«Ложь. Ты просто удовлетворяешь себя, будучи милой со мной». Я думал, что она тут же это опровергнет. Я думал, что она не обратит на это внимания. Я думал, что она рассмеётся: «Ёсуке, ты дурак». Но она ничего не сказала. Только плотно сжала губы и уставилась мне в глаза с таким выражением, словно в неё медленно вонзили длинную иглу.

Спустя несколько секунд, Хаджикано пришла в чувство, проморгалась и попыталась улыбнуться. Но вышло слегка неказисто. Еле сдерживая эмоции, она пробубнила:

«...Это было очень больно». Затем медленно встала, повернулась ко мне спиной и ушла, не попрощавшись. Вначале я почти не чувствовал вины. Я даже был горд за то, что надавил Хаджикано на больное место и заставил уйти. Но время шло, и беспокойство в груди лишь возрастало. Я обошёл комнату, терзаемый изнутри и снаружи. Может, я совершил ужасную ошибку? Если бы Хаджикано действительно использовала меня для самоублажения, тогда она легко могла проигнорировать и опровергнуть всё, что бы я ни сказал. Лицемеры обычно отвечают тем же, когда их расположение подвергается сомнению. Они хорошо осведомлены о том, как нужно действовать, чтобы казаться безгрешными и скрывать свои истинные намерения. Так это работает. Особенно, если лицемер умён. Но Хаджикано, как мне показалось, ранило то, что я её такой назвал. Доказывало ли это то, что она видела во мне равного? Не обиделась ли она потому, что её симпатия была не лицемерна, а шла от сердца? Если так, тогда я совершил с Хаджикано – с той, кто так много для меня сделал – нечто ужасное. Я проволновался весь вечер, завернувшись в футон. ...Мне нужно извиниться перед ней. Я твёрдо решил сделать это следующим утром. Я понимал, что не смогу передать свои чувства по телефону. Когда прозвенел полуденный звонок, я достал из

комода шерстяное пальто и надел его поверх толстого свитера. Всё моё тело пахло спреем от жуков. В кармане с прошлой зимы остались конфеты и пара бумажных салфеток. Я давно не выходил наружу самостоятельно. Последняя вылазка была неделю назад. Поскольку я долго сидел в тёмной комнате, голубое небо, зелёные деревья, свет солнца и запах травы, стрёкот цикад и чириканье птиц – всё это казалось ярче, чем я помнил. Неужто мир всегда был настолько вдохновляющим местом? Так я подумал, растерявшись. Я застегнул пальто, будто пытаюсь защититься, накинул на себя капюшон и сделал первый шаг по направлению к школе.

Я специально выбрал такое странное время, чтобы выйти из дома, чтобы меня увидело как можно меньше людей. У меня была чёткая цель – не встретить на пути в школу ни одного младшеклассника. Я молился, что смогу добраться до неё незамеченным. Я прошёл мимо нескольких взрослых, и они недоверчиво покосились на меня, но на моё счастье я пришёл в школу, не встретив никого моего возраста. Я посмотрел на столб с часами: как раз было время обеда. После долгого отсутствия школа показалась мне более официальной, чем обычно. Я склонил голову и быстро направился к своему классу. Я заглянул в открытую дверь, но не увидел там Хаджикано. Я неохотно зашёл внутрь и спросил девчонок, сплетничавших в углу, где она. Несмотря на то, что мой внешний вид вызывал у них подозрения, они сказали мне, что Хаджикано сегодня не пришла, потому что плохо себя чувствует. Расстроившись, я покинул кабинет. И тут я наконец заметил несколько десятков фотографий, вывешенных на доске объявлений в холле. Прежде я прошёл мимо с опущенной головой, поэтому не увидел их.

На первой же фотографии, на которую я посмотрел, была Хаджикано. Она была очень хорошо снята, поэтому я остановился и ещё немного его поразглядывал. Кажется, фото были сделаны на классной эстафете, которая проходила в мае. Каждое было пронумеровано, и можно было указать номер на конверте, чтобы купить какое-то. Наверное, это было ориентировано на родителей, которые приходили на учительский совет. Я стал искать и рассматривать фотографии Хаджикано. Скорее всего, фотограф пытался снять как можно больше детей без особой предвзятости, но Хаджикано явно появлялась в кадре чаще остальных. Фотографы неосознанно выбирают тех, кто лучше смотрится, в конце концов. Я много думал об этом, и смотря телевизор. Например, на школьных фотографиях прослеживается чёткая иерархия: сначала идёт "ребёнок, особенно похожий на ребёнка", потом "милая девочка", затем "серьёзный ребёнок, который собирается ответить на вопрос", а те, кто наверняка вызовет неприязнь у зрителя, благоразумно остаются за кадром. Пытаясь найти фотографию, где Хаджикано будет поближе, я нечаянно наткнулся на фото самого себя. Было очень неожиданно. Я был к такому не готов и ожидал, что тут не будет ни одной фотографии со мной. Так подумать, её существование уже было невероятно. Не в том смысле, что она получилась хорошо, конечно. Я имею в виду, что это было невероятно ужасное фото. Я был похож на омерзительное глубоководное создание. Не важно, насколько красив человек, иногда такие фотографии получаются. Особенно когда лицо снимают в движении – ничто прекрасное не выйдет идеально прекрасным в подобной ситуации. Иногда на фотографиях выходит так, что вы кажетесь лет на десять-двадцать старше или располневшим на пару десятков кило. Что до меня, то наличие столь гадкой черты как моя родинка сделало фотографию худшей из худших. Обычно фотограф не проявил бы такой кадр, но, может, он затесался по ошибке. Юные девушки могут основывать своё представление о себе на удачных фотографиях. Моё же переменялось из-за этой невероятно неудачной. Ах, так вот как моё лицо видят остальные. Я посмотрел на кадры с Хаджикано, а потом со мной. И спросил себя. Думаешь, вы друг другу подходите? Думаешь, вы равны между собой, чтобы так разговаривать? Думаешь, ты имеешь право любить её? И на всё ответ был один: «Нет». У меня затряслись ноги, словно земля уехала из-под них. Я пытался не впасть в это состояние, но по моему телу прокатилась такая сильная дрожь, какой я раньше не испытывал. Я весь затрясся, мне стало трудно дышать. Я убежал домой, поджав хвост, нырнул в фuton и дождался, пока озноб не прекратится. Мне казалось, что у меня сейчас сердце остановится, я сильно ослаб. Наконец, меня перестало трясти, и я выбрался наружу, попил воды в тускло

освещённой кухне и вернулся обратно. Зарывшись лицом в подушку, я задумался о том, сколько мне ещё придётся вот так жить. Даже если озноб отступит, основная проблема – родинка – не исчезнет. Я по-прежнему буду прятаться от людского взгляда. Пожалуйста, кто-нибудь, уберите эту родинку, взмолился я. Я даже не знал, кому молюсь. Если этот кто-то сможет исполнить моё желание, мне будет всё равно, бог ли он, русалка или кто-либо ещё.

И тогда я вспомнил о заброшенном храме. Однажды мы с одноклассником обсуждали одно суеверие. На вершине небольшой горы на окраине города есть маленький храмик. Если прийти туда ночью и загадать желание ровно в полночь, храмовое божество появится и исполнит его – такой вот смешной слух. Он, казалось, возник из ниоткуда, но то же самое рассказывали и ученики других школ. Некоторые молодые учителя тоже были наслышаны о нём, когда были детьми. Поэтому легенда о заброшенном храме, забавная, но всё же не полностью оспоримая, всегда приковывала к себе интерес ребятишек Минагисы. Чтобы четвероклассник искренне поверил в сказку о божестве заброшенного храма, которое исполняет желания... это было трудно представить. Но моё видение мира сильно сузилось после долгого нахождения взаперти, мозги были затуманены болезнью, в придачу я был столкнут в бездну отчаянья и был готов ухватиться за любую соломинку. Так что это суеверие стало для меня открытием. Завернувшись в футон, я думал о нём. Спустя где-то час я сел, запихнул в карман пальто кошелек и вышел из дома. Было около 4-ёх часов вечера. Чтобы добраться до храма, нужно было сесть на автобус. К счастью, я знал, на какую остановку идти. Я вспомнил, что, когда ехал с мамой в городскую больницу, проезжал мимо горы, на которой находился тот храм. Через двадцать минут после того, как я пришёл на остановку, приехал автобус. В нём сидела лишь одна пожилая пара. Когда же они сошли две остановки спустя, я остался единственным пассажиром. Дожидаясь прибытия в нужное место, я сел на уголок дальнего заднего сиденья и стал смотреть, как мимо проносятся однообразные поля. Дорога была слегка ухабиста, поэтому по пути неприятно потряхивало. Водитель что-то бубнил так тихо, что я не слышал его. С того момента, как я зашёл в автобус, прошло меньше тридцати минут, а складывалось такое чувство, словно часа два или три. Иногда, заведя знакомые дома, я начинал переживать, что выбрал не тот маршрут. Но, стоило мне увидеть гору с храмом, я расслабился и нажал на кнопку остановки. Когда я положил в ящик свой билет и плату за проезд, водитель посмотрел на меня с недоверием. «Ты один, малыш?» Я попытался ответить естественно: «Да. На самом деле, на остановку за мной бабушка придёт... – я выглянул наружу и намеренно вздохнул, – но, кажется, она не пришла. Может, забыла?»

«Ты сам сможешь дойти?» – заботливо спросил он. На вид ему было лет пятьдесят. «Да, всё в порядке. Бабушкин дом недалеко». Водитель понимающе кивнул: «Хорошо. Будь осторожен». Как только автобус уехал, я накинул на глаза капюшон пальто и направился в сторону храма. Вскоре я обнаружил указатель, на котором был отмечен вход на гору. Если верить ему, её высота была только метров 300. Я стал взбираться на гору: асфальтированная дорога быстро кончилась, и началась гравийная, узкая настолько, что один человек едва мог пройти по ней. Ветки соседних деревьев вылезали на тропинку и мешали идти, и иногда путь преграждали их упавшие стволы. На поваленных деревьях росла плесень и знакомые красно-зелёные грибы, поэтому я старался перелезть осторожно. В завершение всего, когда я добрался где-то до середины, ни с того ни с сего пошёл дождь. Листва послужила мне навесом, так что капли до меня долетали редко, в отличие от звука. Но дождь усилился, и на меня полилась вся та вода, что до этого удерживалась листьями.

Зайдя так далеко, я не хотел признавать, что лучше было бы повернуть назад, поэтому побежал вверх на гору. Но дорога оказалась гораздо, гораздо длиннее, чем я думал. Тогда я ошибочно полагал, что путь в гору вёл напрямик от основания к вершине. Так что к тому времени, как я достиг торий, моё пальто потяжелело вдвое от напитавшей его воды. Я двумя руками приоткрыл плохо пристающую дверь и проник в главное здание храма. И, как только я сел на пол и расслабился, меня охватил сильный озноб. Я снял с себя мокрое пальто, прислонился к стене и съёжился, обхватив колени. Дождаться полуночи в таком состоянии не

представлялось возможным. Но спуститься с горы и ждать на остановке следующего автобуса казалось и вовсе чем-то самоубийственным. Вместе со стуком дождя по черепице я слышал, как тут и там внутри капает вода. Должно быть, крыша прохудилась. Вода, стекающая с потолка, скапливалась на полу, забирала тепло у моего тела. Холодный пол и осознание собственной беспомощности только усугубляли дрожь. Зубы стучали, конечности онемели до самых костей, и мне казалось, что я так и замёрзну до смерти в разгар июля. Не нужно было приходить сюда, пожалел я. Но было слишком поздно. Я никому не сказал, куда иду. Помощи ждать неоткуда. Водитель автобуса думает, что я сижу дома у бабушки и мило ужинаю. Как бы было здорово, если бы это было правдой. Прошло часа три-четыре. Я понял по звуку, что ливень утихает. Я слышал, как капли падают с одного листа на другой, но это были лишь отголоски, а сам дождь, вероятно, закончился. В помещении было чертовски темно, и я не мог разглядеть даже собственных рук. Мои силы уже были исчерпаны. Мне казалось, что я не могу и шагу сделать. Мысли улетучивались, и я с трудом мог вспомнить, кто я или почему я здесь. Только одно оставалось определённым – пробирающий моё трясущееся тело озноб. Я услышал стук в дверь. Знакомый стук, но я не мог точно вспомнить, когда и где я его слышал. Чуть погодя дверь отъехала, и меня ослепило. Я уже было испугался, но когда увидел, что кто-то выступает внутрь с фонариком, тело с облегчением обмякло. «Так ты был тут». Девчачий голос. Он тоже казался знакомым. Я поднял глаза и попытался узнать её, но сияние фонарика было настолько сильным, что я не мог не жмуриться. Она закрыла зонт и стряхнула с него воду, подошла ко мне, наклонилась и направила фонарик на пол. Тогда я наконец смог увидеть лицо той, что пришла за мной. «Ёсуке, – сказала Хаджикано, – это я».

Я протёр глаза. Почему Хаджикано здесь? Как она узнала, что я тут? Нет, для начала, почему она меня искала? Разве она не пропустила школу из-за недомогания? Она в одиночку забралась на гору? Посреди ночи? У меня не было сил даже на то, чтобы задать ей эти вопросы. Хаджикано же, увидев, как я слаб, положила ладонь мне на плечо, сказала: «Жди здесь, я позову помощь», – и собралась уйти с зонтом и фонариком. Я рефлекторно потянулся за ней и схватил её за руку. Остановив её, я процедил сквозь дрожащие зубы:

«Холодно». Хаджикано обернулась и посмотрела на мою ладонь, слегка колеблясь. Уйти ей и позвать на помощь или остаться здесь со мной? В конце концов она выбрала второе. Сложив зонт и фонарик, она снова взяла меня за руку и присела на корточки. Обрадовавшись, что она решила остаться, я расслабился. «Ты замёрз?» – спросила она для верности. Я кивнул, а она обвила мою спину руками и прижалась ко мне. «Не шевелись, – ласково похлопала она меня по спине. – Ты помаленьку отогреешься». Сперва её промокшее тело казалось просто ледяным. Прекрати, думал я, ты делаешь только хуже. Но вскоре ощущение холода немного поослабло. Я почувствовал тепло, исходящее от её кожи. Мои окоченевшие мышцы расслабились под его наплывом, и силы стали помаленьку восстанавливаться. Моё туловище, насквозь промёрзшее, ещё долго возвращалось к нормальной человеческой температуре. «Всё хорошо, – повторяла Хаджикано, отогревая меня. – Всё будет хорошо».

И с каждым её словом я всё больше воодушевлялся. Если она говорит, что всё будет хорошо, значит, так и будет, искренне верил я. Интересно, сколько это продолжалось?

Внезапно я понял, что стал нормально себя чувствовать. Ощутил обычную температуру июльской ночи. От мокрой одежды было немного прохладно, и только. Видимо, заметив, что я больше не трясусь, Хаджикано спросила: «Тебе всё ещё холодно?» Нет. Я даже вспотел. Но я ответил: «Есть немного». Я хотел чувствовать её тепло чуть подольше. «Ох... Надеюсь, ты скоро согреешься». Не важно, раскусила Хаджикано мой обман или нет, но она погладила меня по лицу. Полностью согревшись, я мягко отстранил от себя её руки.

«Староста», – произнёс я. «Что?» «Извини». Она с первого слова поняла, что я пытался сказать. «Не беспокойся насчёт этого, – радостно ответила она. – Конечно, по правде сказать, я всё ещё об этом думаю. Ты очень меня обидел, Ёсуке. Это точно. Но я тебя прощаю». «...Спасибо». Хаджикано взъерошила мне волосы. «Эй, Ёсуке. Я каждый день приходила к тебе, потому что хотела, чтобы ты вернулся в школу». «Зачем?» «А ты

как думаешь? – наклонила она голову и улыбнулась. – Ну, Ёсукэ, может, ты не понял, но мне нравится с тобой разговаривать. Я люблю тебя слушать и люблю, когда ты слушаешь меня. Мне хорошо, даже когда мы ничего не говорим, но ты рядом. А когда тебя нет, мне правда одиноко». Она остановилась и перевела дыхание, а потом опустила голову и тихо произнесла: «Так что не пропадай вот так. ...Я волновалась, понимаешь?» «Прости».

Я приложил все силы, чтобы только сказать это. Мы вышли наружу, но там было не светлее, чем внутри. Дождь совсем перестал, небо очистилось и вышла луна, но спускаться по горе в это время было чревато. Даже если мы слезем, автобус не приедет до завтрашнего утра. В конце концов, мы переночевали в заброшенном храме. Я ясно помню это и сейчас. Хаджикано поведала мне множество названий звёзд, указывая на ночное небо. Я не понимал и половины того, что она говорила, но каждый раз, когда она произносила какое-то название, больше похожее на магическое заклинание, моё тело наполнялось странной энергией.

«Если задуматься, разве ты не пропустила школу из-за болезни? – спросил я. – Ты нормально себя чувствуешь?» «Вполне. Я соврала, что мне плохо. На самом деле я просто расстроилась по поводу того, что ты сказал». «Виноват. Извини». «Извиняю, – улыбнулась она, сощурившись. – ...В любом случае, я валялась дома, когда твои родители пришли спросить, не остался ли их сын у нас. Так я и узнала, что ты ушёл куда-то из дома».

«Но как ты поняла, что я здесь?» «Ты помнишь, как мы разговаривали весной и я упомянула об этом храме?» Я инстинктивно хлопнул в ладоши: «Ох, точно...» «Я думала, что тебе не нравятся столь нереалистичные истории, поэтому удивилась, что тебя заинтересовал этот слух. Это произвело на меня впечатление. Когда я услышала, что ты ушёл, я внезапно вспомнила об этом и подумала, может...» «И что бы ты сделала, если бы меня здесь не было?» «Дождалась бы полуночи и загадала желание: "Я хочу, чтобы с Ёсукэ всё было в порядке"». Когда темы для разговора себя исчерпали, Хаджикано встала и начала мурлыкать что-то. Печальную, но вызывающую чувство ностальгии мелодию. Русалочью песню. Я никогда прежде не слышал, как она поёт, поэтому онемел оттого, как красиво и чисто было её пение. Её голос напоминал мне журчание чистой холодной воды на дне колодца. Как только она закончила, я зааплодировал, и она рассмеялась. Потом мы ещё долго смотрели в ночное небо, не говоря ни слова. «Давай вернёмся внутрь», – наконец предложила Хаджикано. Мы зашли, улеглись на полу, обменялись парой бессмысленных фраз, и фонарик, который она принесла постепенно начал тускнеть. Вскоре батарейка кончилась и комната погрузилась во тьму. Мы как-то одновременно взялись за руки и стали ждать наступления утра. С того дня мой мир преобразился. Прежде состоявший из "меня" и "всего остального", он стал состоять из "меня", "Хаджикано" и "всего остального". И именно Хаджикано показала мне, что мир стоит того, чтобы жить в нём. Люди могут посчитать это смешным, чем-то сродни запечатлению. Я веду себя, словно новорождённая птичка, которая первым делом увидела свою маму. Со стороны я могу показаться дураком, заключённым в своих детских воспоминаниях. Но мне всё равно, кто что скажет. Я был бы рад остаться рабом этих воспоминаний до самой смерти.

Примечания:

(1) Юката – летнее повседневное кимоно без подкладки. Джинбэй – традиционная японская летняя одежда, состоящая из короткого халата и просторных коротких штанов. (2) Тайко – семейство японских барабанов. Сё – японская разновидность шэна, губного органа. (3) Усуяки (усуяки тамаго) – Японское блюдо, тонкий омлет, свёрнутый в рулетик. (4) Иайдо – искусство внезапной атаки с изначально убраным в ножны клинком. (5) ВЗ (здесь) – японский формат бумаги, в 1,5 раза больше А3.

<http://tl.rulate.ru/book/9410/241482>